

К. Е.

Между снегом и туманом

К. Е.

Между снегом и туманом

«Автор»

2026

Е. К.

Между снегом и туманом / К. Е. — «Автор», 2026

Ева привыкла быть одна. Она рисует города, прячется на крыше и не ждёт, что кто-то постучит в её дверь. Но когда сосед с шестого этажа помогает ей собрать продукты под снегопадом, всё меняется. Марк закрытый, упрямый и слишком часто молчит. У него есть прошлое, о котором он не говорит, и контракт в Берлине, о котором она узнает случайно. И теперь Еве предстоит решить: бежать от него — или бежать вместе с ним. Любовь — это не клетка. Это выбор.

К. Е.

Между снегом и туманом

Глава 1. Чугунный свидетель

Зима в этом городе не приходила — она обрушивалась.

Ева всегда представляла её тяжёлым одеялом, которое кто-то невидимый сбрасывает с крыш. Оно падало на плечи, забивалось в воротник, путалось в волосах и заставляло людей сутулиться, пряча лица в шарфах. Сегодня одеяло было особенно беспощадным.

Она вышла из трамвая на остановке «Улица Восстания» и сразу провалилась в сугроб по колено. В руках были две сумки с продуктами. В одной предательски позвякивала банка томатного соуса.

До дома оставалось два квартала.

Два квартала по колено в снегу, под косым снегопадом, который слепил глаза. Ева поправила сползающий шарф и сделала шаг вперёд. Снег скрипел под подошвами, глуша шум машин и редкие голоса прохожих. Город словно вымер: горели только тусклые окна и фонари, размывшиеся в белой пелене до жёлтых пятен.

Она почти дошла.

Оставалось обогнуть угол и пройти через небольшую площадь с чугунными фонарями, выстроенными вдоль дороги. Ева уже представляла, как поставит сумки в прихожей, снимет мокрое пальто и заварит большую кружку чая с мёдом.

Но снег решил иначе.

Она оступилась на невидимом под снегом бордюре. Пакет выскользнул из руки. Раздался глухой удар, и по снегу покатались яблоки, картонные упаковки и та самая банка соуса.

— Да твою же мать... — выдохнула Ева.

Она присела на корточки. Перчатки мгновенно промокли, пальцы онемели. Вторая сумка перевернулась следом. Ева стояла на коленях в сугробе, пытаясь собрать покупки, и чувствовала, как к горлу подступают не слёзы даже — злость. На город, на мороз, на себя.

— Помочь?

Голос раздался прямо над ней. Низкий, спокойный, почти растворившийся в шуме снегопада.

Ева подняла голову.

В двух шагах стоял высокий мужчина в тёмном длинном пальто. Воротник был поднят до ушей, на голове — смешная, но явно тёплая вязаная шапка. В руках он держал пакет из того же магазина, что и она. Снежинки оседали на его плечах и ресницах.

Её сосед. Тот самый, с шестого этажа.

Они жили в одном подъезде полгода, но обменялись только дежурным «здравствуйте». Ева знала лишь, что его зовут Марк, он носит наушники и словно специально не замечает никого вокруг.

Обычно таких людей она не любила. Тех, кто закрывается, делает вид, что мир их не касается. Но сейчас, стоя на коленях в снегу, она была готова простить ему любую отстранённость.

— Было бы неплохо, — буркнула она, пытаясь поймать укатившееся яблоко.

Марк молча поставил свой пакет. Не стал сочувственно вздыхать, не начал говорить о том, что в такую погоду нельзя ходить с тяжёлыми сумками. Просто присел рядом и начал собирать разбросанное. Движения у него были точные, без суеты. Он выловил из снега банку, протёр её рукавом и аккуратно поставил в уцелевшую сумку.

— Держите, — он протянул ей вторую сумку. — Тут недалеко. Донесём.

— Я сама.

Ева попыталась забрать всё сразу, но Марк уже поднялся и взял одну из сумок. Его пальцы на мгновение коснулись её запястья. Даже через мокрую перчатку она почувствовала: руки у него ледяные.

— Не спорьте, — коротко сказал он. — У вас пальцы посинели.

Они пошли рядом, молча.

Снегопад усиливался. Мир сузился до белого туннеля, где не было ничего, кроме скрипа снега, тяжёлого дыхания и двух сумок, оттягивающих руки. Впереди замаячил чугунный фонарь — массивный, с резными узорами, покрытый шапкой снега. Он стоял, как старый часовой, которому уже всё равно, что происходит вокруг.

Ева поскользнулась на льду.

Марк среагировал раньше, чем она успела испугаться. Он бросил сумку, схватил её за локоть и удержал от падения. Снег забил ей лицо, дыхание перехватило. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, поняла, что они стоят почти вплотную.

Спиной она чувствовала ледяной чугун фонаря. Марк загораживал её от ветра. Его лицо было совсем близко: снежинки таяли на щеках, оставляя тонкие мокрые дорожки. В жёлтом свете его глаза казались почти чёрными.

— Осторожнее, — тихо сказал он.

Ветер на секунду стих. Не было слышно ни машин, ни лая собак. Только снег и их дыхание.

Ева смотрела на него снизу вверх. Она должна была отстраниться. Сказать «спасибо», забрать сумку, уйти домой. Но не могла. Будто один неверный шаг разрушит что-то хрупкое, только что возникшее между ними.

Марк медленно поднял руку. Пальцы в мокрой перчатке коснулись её щеки, убирая прилипшую прядь волос.

— Вы... — начала Ева, но голос сорвался.

Он не ответил. Только наклонился.

Его губы коснулись её губ — не требовательно, не грубо. Как вопрос, на который он сам не знал ответа. От него пахло морозом, сигаретами и чем-то сладковатым, незнакомым. Ева замерла. Первую секунду не отвечала, потому что не понимала, что происходит. Потом закрыла глаза и приоткрыла губы навстречу.

Поцелуй оборвался, когда за спиной взревел автомобильный гудок.

Марк отстранился резко, будто обжёгся. На его лице мелькнуло что-то похожее на растерянность. Он подхватил брошенную сумку и, не глядя на Еву, сказал:

— Нам нужно идти. Замёрзнете.

Он развернулся и пошёл к подъезду.

Ева осталась под фонарём. Снег продолжал падать. Она провела пальцами по губам, всё ещё чувствуя тепло, которое начало исчезать почти сразу.

Она смотрела ему вслед и понимала: этот вечер что-то изменил.

Но не знала — к лучшему или к худшему.

Глава 2. Эффект разбитого градусника

Утро встретило Еву ослепительной белизной.

Снегопад прекратился, но город утонул в сугробах. Солнце отражалось от снега так ярко, что приходилось щуриться. Ева стояла у кухонного окна с остывшим чаем и смотрела во двор. Вчерашний вечер казался сном — слишком странным, слишком нереальным.

Но губы помнили привкус мороза и сигарет. А щека — холод его перчатки.

«Это было ошибкой», — подумала она.

Чай оказался горьким. Ева сделала ещё глоток, словно хотела убедить себя, что вкус важнее мыслей.

Он просто помог донести сумки. Потом случился поцелуй — глупость, случайность, сбой от холода. Завтра они снова разойдутся по своим квартирам и будут здороваться кивком, делая вид, что ничего не было.

Она натянула растянутый свитер, собрала волосы в небрежный пучок и вышла из квартиры.

На лестничной клетке было тихо.

Марк стоял у почтовых ящиков спиной к ней. На нём была та же зелёная куртка, только без шапки. Тёмные волосы были взъерошены, в руках он вертел ключи. Ева шагнула назад, надеясь остаться незамеченной, но старый паркет скрипнул.

Он обернулся.

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на панику. Или ей показалось. Он быстро моргнул, и лицо снова стало непроницаемым.

— Доброе утро, — сказал он.

Голос звучал ровно. Слишком ровно.

— Доброе, — ответила Ева, чувствуя, как краска приливает к щекам.

Она уставилась на свой почтовый ящик, делая вид, что пытается открыть замок. Ключ она даже не достала.

Пауза стала такой плотной, что её можно было резать ножом.

— Как... как спалось? — спросил Марк вдруг.

Вопрос прозвучал слишком по-домашнему. Слишком интимно для людей, которые вчера впервые поцеловались под фонарём.

— Нормально, — выдавила она. — А вам?

— Тоже.

Он замолчал. Ева чувствовала его взгляд на своей макушке, но не решалась поднять глаза. В голове проносились варианты: сделать вид, что ничего не было; спросить напрямую; просто убежать.

— Слушайте, — начал Марк.

И в этот момент дверь подъезда хлопнула. В коридор ввалился сосед с пятого этажа с огромным лабрадором на поводке. Собака радостно рванула к Еве, обдав её мокрым снегом.

— Ой, простите! — воскликнул сосед. — Барон, фу! Он у нас очень дружелюбный.

Ева присела, чтобы погладить пса. Несколько секунд передышки оказались спасением. Когда сосед утащил Барона на улицу, Марк уже стоял у двери.

— Мне пора, — сказал он. — Увидимся.

И вышел, не оборачиваясь.

Ева выдохнула. Сердце колотилось где-то в горле. Почтовый ящик она так и не открыла.

Весь день прошёл как в тумане.

Ева работала дома — заканчивала планы для дипломного проекта, но карандаш то и дело замирал над бумагой. Она ловила себя на том, что смотрит в окно, на заснеженный двор, и вспоминает: как он наклонился, как коснулся её щеки, как резко отстранился.

«Почему он ушёл? — думала она. — Пожалел? Испугался? Или я ему просто не нужна?»

К вечеру сидеть в четырёх стенах стало невыносимо. Ева накинула пальто и пошла в маленькую кофейню на углу — туда, где всегда играл джаз и пахло корицей.

Внутри было тепло. Она заказала капучино и устроилась у окна.

— Здесь свободно?

Она подняла голову.

Марк стоял рядом с подносом: чашка кофе и кусок вишнёвого пирога. На его лице было то же выражение — смесь неловкости и упрямства.

— Свободно, — сказала Ева и отодвинула сумку.

Он сел напротив. Поставил поднос, снял куртку. Их взгляды встретились, и Ева снова почувствовала эту невидимую натянутую нить между ними.

— Я не слежу за вами, — сказал вдруг Марк. — Я здесь бываю каждый вечер. Обычно сижу вон там. — Он кивнул на угловой столик. — Сегодня решил, что надо поговорить.

— Насчёт вчерашнего?

— Да.

Он сделал глоток кофе, но взгляд не отвёл.

— Я не хотел, чтобы это выглядело так, будто я сбежал. Просто я не привык к таким спонтанным вещам.

— Я тоже, — честно призналась Ева.

— Я не жалею о том, что произошло. — Он помолчал. — Но не хочу, чтобы это осталось случайностью. Если вы не против... может, начнём с чего-то более нормального?

Ева смотрела на него, и уголки её губ медленно поползли вверх.

— Например?

— Например, с пирога. — Он пододвинул к ней тарелку. — Он вишнёвый. Говорят, лучший в городе.

Ева взяла вилку. Отломил кусочек. Вишнёвая начинка была кисло-сладкой, тесто — хрустящим.

— Действительно, лучший, — сказала она.

Марк улыбнулся. Впервые за всё время их знакомства. Улыбка сделала его моложе, мягче, настоящим.

— Значит, договорились, — сказал он. — Начнём с пирога.

За окном кружился снег.

И Ева вдруг поняла: этот вечер перестал быть случайностью.

Он стал началом.

Глава 3. Правила зимней прогулки

Свидание назначили на субботу.

Ева проснулась за два часа до будильника. В квартире было тепло, батареи гудели, но она всё равно куталась в одеяло и смотрела в потолок. В голове крутился список глупых вопросов: что надеть, о чём говорить, а вдруг он снова замолчит и будет смотреть в телефон.

Она открыла шкаф.

Джинсы? Слишком просто. Платье? Слишком нарядно для прогулки по снегу. В итоге Ева выбрала тёплый свитер цвета топлёного молока, любимые джинсы и длинное пальто. Волосы оставила распущенными, но на всякий случай взяла резинку.

Марк ждал у подъезда ровно в полдень.

Он стоял, опираясь на перила, в той же зелёной куртке и сером шарфе. В руках — два картонных стакана с кофе.

— Привет, — сказал он, протягивая один. — Капучино с корицей. Надеюсь, угадал.

— Угадал, — Ева улыбнулась, принимая стакан.

Пальцы на мгновение соприкоснулись. От этого лёгкого касания по руке разлилось тепло.

— Куда пойдём? — спросила она.

— Есть одно место. — Марк посмотрел на неё серьёзно, но в уголках глаз пряталась усмешка. — Но сначала — правило.

— Правило?

— Никаких разговоров о работе. И никаких вопросов о личном. Только то, что мы сами захотим рассказать.

Ева прищурилась.

— Это ещё почему?

— Потому что иначе мы проведём весь день, рассказывая друг другу резюме. А это скучно. — Он пожал плечами. — Давай просто посмотрим, куда заведёт день.

Ева подумала секунду и кивнула. Она и сама терпеть не могла дежурные вопросы: кем работаешь, где училась, какие планы. Может, этот странный сосед с наушниками действительно понимает.

— Ладно, — согласилась она. — Правила приняты. Веди.

Они пошли по набережной вдоль замёрзшей реки. Лёд был покрыт снегом, и только кое-где темнели полыньи. Вдоль парапета стояли фонари, ещё украшенные новогодними гирляндами. В воздухе пахло морозом и жареными каштанами.

— Я иногда прихожу сюда подумать, — сказал Марк, глядя на реку. — Здесь тихо. Даже когда город шумит.

— О чём ты думаешь?

— О разном. О том, что хочу сделать. О том, что уже сделал. — Он помолчал. — А ты? Где ты прячешься от мира?

Никто никогда не спрашивал её об этом так прямо.

— На крыше, — призналась Ева. — В нашем доме есть выход на крышу. Я беру туда плед и смотрю на город. Особенно вечером, когда зажигаются окна.

Марк повернулся к ней. В его взгляде было удивление — и что-то похожее на уважение.

— Серьёзно? И как туда попасть?

— Через пожарную лестницу. Но это секрет.

Ева приложила палец к губам.

— Могила, — пообещал он.

У киоска Марк купил бумажный пакетик с каштанами и протянул ей.

— Держи. Согревают руки.

Ева взяла один. Каштан был горячим, почти обжигал ладони. Она начала перекидывать его с руки на руку, и Марк засмеялся.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Просто ты сейчас похожа на ребёнка, которому подарили что-то очень ценное.

Ева хотела обидеться, но не смогла. В его смехе не было насмешки — только тепло.

— А ты, значит, взрослый и серьёзный?

— Стараюсь. Но получается не всегда.

В конце набережной они свернули в узкий переулок. Здесь было тише, дома стояли плотнее, а снег лежал нетронутым. Марк остановился у старой кирпичной стены, покрытой сухим плющом.

— Смотри.

Ева подошла ближе. На стене были выцарапаны имена, даты, маленькие рисунки. Кто-то нарисовал сердце, пронзённое стрелой. Кто-то оставил только: «Я был здесь».

— Это наш дом, — сказал Марк. — В смысле — дом нашего поколения. Здесь все оставляют следы.

— Ты тоже оставил?

Он кивнул. Достал ключи и провёл острым краем по кирпичу. На секунду задумался, потом вывел: «М.». Рядом — маленькую снежинку.

— Снежинка? — удивилась Ева.

— Она красивая, но быстро тает. — Он посмотрел на стену. — Как и всё хорошее.

Ева смотрела на его профиль. Днём он казался мягче, чем вчера. В нём не было той отстранённости, которая сначала насторожила её.

— Дай мне.

Она взяла ключ и рядом с его инициалами выцарапала «Е.». Потом, подумав, добавила маленький чугунный фонарь — такой же, как тот, под которым они впервые поцеловались.

Марк посмотрел на рисунок и улыбнулся.

— Теперь это наша стена.

— Наша? Мы даже не знаем друг друга толком.

— Узнаем. — Он пожал плечами. — У нас же есть правило. Никаких резюме. Просто разговоры.

Они пошли дальше, и разговоры действительно потекли сами собой.

Марк рассказал, что в детстве мечтал стать машинистом поезда, потому что любил смотреть, как убегает рельсы. Ева призналась, что до сих пор боится темноты и засыпает с включённым ночником. Он сказал, что его любимая книга — «Мастер и Маргарита», потому что там всё не так, как кажется. Она — что обожает рисовать дома, но не людей: люди слишком сложные.

К вечеру они забрели в маленький книжный магазин, где пахло пылью и старой бумагой. Марк провёл пальцем по корешкам, вытащил сборник Бродского и протянул Еве.

— Открой на любой странице.

Она открыла и прочитала вслух:

«Ни страны, ни погоста не хочу выбирать...»

— Почему именно это? — спросила она.

— Потому что это про выбор. И про то, что иногда мы остаёмся там, где не планировали.

— Он помолчал. — Как мы с тобой. Я не планировал вчера снова тебя встретить.

Ева закрыла книгу.

— И как? Жалеешь?

— Нет. — Он ответил твёрдо. — А ты?

— Нет.

Они вышли на улицу. Уже стемнело, зажглись фонари, и снег снова начал падать — медленно, крупными хлопьями. Город снова стал тем самым снежным шаром, который Ева так любила.

Марк достал телефон, вставил один наушник себе и протянул второй ей.

— Что это? — спросила она.

— Мой плейлист. Для таких вечеров.

Она вставила наушник. Заиграла тихая мелодия — пианино и виолончель. Музыка плыла над улицей, сливаясь со снегопадом.

Они пошли дальше, в ногу, связанные тонким проводом. Ева чувствовала, как его плечо иногда касается её плеча. И от этого касания внутри разливалось тепло, которое не имело ничего общего с погодой.

— Знаешь, — сказал вдруг Марк, — я сегодня понял одну вещь.

— Какую?

— Мне не нужно было придумывать никаких правил. С тобой и так легко.

Ева промолчала.

Но её рука сама нашла его руку. Он сжал её пальцы — крепко, но бережно.

Они шли по заснеженной улице, слушали музыку и молчали.

И это молчание было самым красноречивым разговором за весь день.

Глава 4. Один наушник на двоих

До дома они дошли, когда снегопад снова усилился.

Крупные хлопья ложились на плечи, ресницы, волосы. Ева чувствовала, как холод пробирается под пальто, но не хотела уходить. Не хотела, чтобы вечер заканчивался. В наушниках сменилась мелодия — саксофон вывел медленную, тягучую фразу, и она идеально легла на ритм их шагов.

Марк остановился у подъезда.

Не отпуская её руки.

— Ну вот, — сказал он тихо. — Мы на месте.

— Ага.

Ева посмотрела на него. В свете фонаря его лицо казалось резче: скулы, тёмные брови, губы, которые она всё ещё помнила на своих. Провод наушников всё ещё соединял их — тонкая чёрная нить, которую ни один из них не решался разорвать.

— Спасибо за сегодня, — сказала Ева. — Это был хороший день.

— Хороший, — согласился Марк. — Даже слишком.

— Слишком?

— Я не привык к таким дням. — Он усмехнулся. — Обычно я либо работаю, либо сижу дома с книгой. А тут набережная, каштаны, стихи...

— И стена с именами, — добавила Ева.

— И это тоже.

Они стояли на крыльце, засыпанные снегом. Мимо прошла пожилая пара с собакой и посмотрела на них с понимающей улыбкой. Ева смутилась, хотела отстраниться, но Марк не отпустил её руку.

— Я не хочу, чтобы ты сейчас уходила, — сказал он.

Просто. Без пафоса. И от этой простоты у Евы перехватило дыхание.

— Понимаю, что звучит странно. Мы знакомы толком пару дней. Но я не хочу.

— И что ты предлагаешь?

— У меня есть чай. И печенье. — Он кивнул на сумку. — И ещё полбутылки вина, которая осталась с Нового года. Можем подняться ко мне. Просто посидеть. Без всяких... — он запнулся, подбирая слова, — намёков.

Ева прищурилась.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Мы ведь даже не допили кофе. И не доели каштаны. Нельзя бросать дела на полпути.

Она рассмеялась. В этом смехе было облегчение — и что-то ещё: чувство, что рядом с ним можно не играть роль.

— Ладно, — сказала она. — Но если печенье окажется невкусным, я уйду.

— Договорились.

Лифт, как всегда, не работал.

Они поднимались на шестой этаж, и Ева слышала за спиной его шаги. На площадке между этажами Марк вдруг сказал:

— Знаешь, я иногда слышу, как ты ходишь у себя. Ночью. Шаги лёгкие, почти неслышные. Но я всё равно слышу.

Ева обернулась.

— Подслушиваешь?

— Не специально. Просто у нас тонкие стены.

— А что ещё ты слышишь?

Марк помолчал.

— Как ты поёшь в душе. И как разговариваешь сама с собой, когда рисуешь.

Ева покраснела.

— Это ужасно.

— Это мило. — Он посмотрел на неё снизу вверх. — Я иногда жду этих звуков. Они делают квартиру менее пустой.

Она не нашлась, что ответить.

В его квартире было тепло, но пусто — минимум мебели, книги на полках, ноутбук на столе, гитара в углу. На стенах — постеры с концертов. Ева сняла пальто, повесила его на крючок у двери.

— У тебя уютно, — сказала она.

— Ты первая, кто так говорит. Обычно говорят «аскетично».

— Ну, это тоже.

Марк ушёл на кухню и вернулся с двумя кружками чая и тарелкой печенья.

— Печенье из магазина, — признался он. — Я не умею печь.

— Я тоже. Так что сойдёт.

Они сели на диван. Между ними осталось расстояние — не слишком близкое, но и не далёкое. Ева откусила печенье. Обычное, магазинное, но почему-то вкуснее, чем обычно.

— Можно вопрос? — сказала она. — Только честно.

— Давай.

— Почему ты вчера убежал? Под фонарём.

Марк поставил кружку.

— Потому что испугался.

— Чего?

— Того, что мне понравится. — Он усмехнулся, но в улыбке не было веселья. — Звучит глупо, да?

— Нет. — Ева покачала головой. — Я тоже испугалась. Я вообще не из тех, кто целуется с незнакомцами под фонарями.

— А я не из тех, кто целует незнакомок.

— Значит, мы оба нарушили свои правила.

— Похоже на то.

Они замолчали. Музыка играла тихо, за окном падал снег. Ева чувствовала тепло от чая — и ещё большее тепло от его взгляда.

— Можно ещё один вопрос? — спросила она.

— Сколько угодно.

— Почему ты предложил мне подняться? Мы могли просто попрощаться.

Марк наклонился ближе. Не порывисто, как вчера под фонарём, а медленно — давая ей время отстраниться.

— Потому что я не хотел, чтобы этот день заканчивался. Потому что мне хорошо с тобой. И потому что... — он запнулся, — я хочу узнать, что будет дальше.

Ева положила ладонь ему на щёку. Он вздрогнул от прикосновения.

— Я тоже, — прошептала она.

И поцеловала его.

Этот поцелуй был другим. Не испуганным, не случайным. Медленным, глубоким — будто они оба пытались запомнить каждую секунду. Его руки легли ей на талию, её пальцы зарылись в его волосы.

Когда они отстранились, оба дышали тяжело.

— Знаешь, — сказал Марк, — я думаю, это было лучше, чем вчера.

— Намного.

Он обнял её, прижимая к себе. Ева уткнулась носом в его плечо, вдыхая запах чая, снега и чего-то своего, родного.

— Останешься? — спросил он тихо. — Просто посидеть. Посмотреть фильм. Без ничего.

— Останусь.

За окном кружился снег. В комнате тихо играла музыка. Два человека, которые ещё вчера были почти незнакомцами, сидели на диване, обнявшись, и смотрели в окно.

Это был не конец.

Это было только начало.

Глава 5. Правило трёх недель

Три недели пролетели как один день.

Ева не заметила, как её жизнь перестроилась под новый ритм. Утро начиналось с сообщения от Марка: «Доброе утро. Кофе?» или «Сегодня минус пятнадцать. Одевайся теплее». Она отвечала смайликом или коротким «да», а через десять минут они встречались на лестничной клетке, как два заговорщика.

Вечера тоже стали общими.

Они сидели то у него, то у неё, либо уходили в кофейню на углу, где их уже знали по заказам. Ева узнала, что Марк не переносит громкую музыку, но обожает джаз; что он может часами говорить о старых фильмах; что, когда думает, барабанит пальцами по столу. Он узнал, что она рисует, когда нервничает; что не пьёт чай без лимона; что засыпает под аудиокниги.

Они не обсуждали, что происходит между ними.

Словно оба боялись назвать это вслух — чтобы не спугнуть. Просто были рядом. И этого было достаточно.

Но в конце третьей недели что-то изменилось.

Ева пришла к нему с пакетом продуктов: они решили приготовить пасту. Марк открыл дверь, но вместо привычной улыбки она увидела на его лице отстранённость. Ту самую, которая была в нём при первой встрече.

— Привет, — сказала она, проходя в коридор. — Всё в порядке?

— Да. Просто много работы.

Он помог ей раздеться, взял пакет. Но движения были механическими — будто он стоял здесь, а мыслями был далеко.

За ужином он почти не разговаривал. Смотрел в тарелку, отвечал односложно. Потом его телефон, лежавший на столе, завибрировал.

Марк посмотрел на экран.

И быстро сбросил звонок.

— Кто это? — спросила Ева.

— Никто. Работа.

— В субботу вечером?

— У меня ненормированный график.

Она хотела спросить ещё, но передумала. Что-то подсказывало: сейчас не время.

После ужина они сидели на диване. Марк включил фильм, но не смотрел его. Взгляд был направлен в экран, а мысли — где-то далеко. Ева положила голову ему на плечо. Он обнял её, но объятие получилось невесомым.

— Марк, — тихо сказала она. — Ты уверен, что всё в порядке?

Он помолчал.

— Да. Просто есть одна вещь, которую мне нужно решить. Но это не связано с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.